

K Карл фон
ЛАУЗЕВИЦ

О ВОЙНЕ

Харьков
«ФОЛИО»
2020

ОТ АВТОРА

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. в нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев.

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избытыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров: «Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь, в свою очередь, находится

вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общениях с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть первая ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава I ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше чем где бы то ни было необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент — единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия как понятия о государстве и законе не существует) является средством, а целью будет — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война — дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных — намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом и цивилизованные народы могут воспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны (т. е. наполеоновские) излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит оттого, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель — лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это — полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять

встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точно), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью — с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии

с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1. Если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью.

2. Если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений.

3. Если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

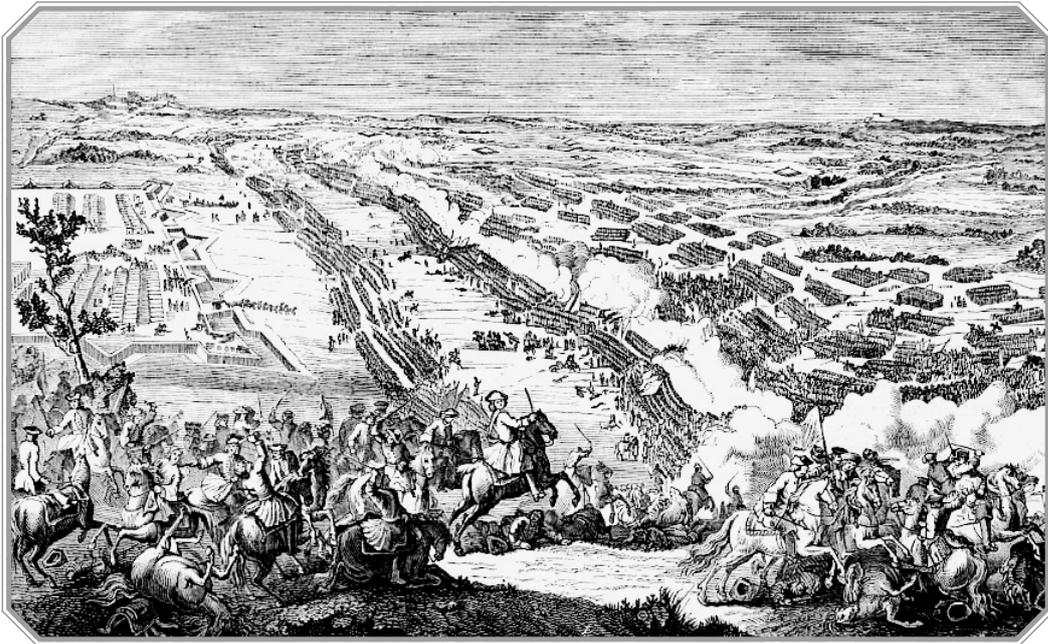
Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно — воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из двух противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и, таким образом, проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для

Полтавская битва. Худ. Д. Мартен

Король Швеции Карл XII.
Худ. М. Дахл

Российский император Петр I.
Худ. Ж.-М. Натье

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Часть первая ПРИРОДА ВОЙНЫ

<i>Глава I.</i> Что такое война?	7
<i>Глава II.</i> Цель и средства войны	24
<i>Глава III.</i> Военный гений	36
<i>Глава IV.</i> Опасности на войне	51
<i>Глава V.</i> Физическое напряжение на войне	53
<i>Глава VI.</i> Сведения, получаемые на войне	54
<i>Глава VII.</i> Трение на войне	55
<i>Глава VIII.</i> Заключительные замечания к первой части	57

Часть вторая ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

<i>Глава I.</i> Деление на части теории военного искусства	59
<i>Глава II.</i> Теория войны	66
<i>Глава III.</i> Военное искусство или военная наука	82
<i>Глава IV.</i> Методизм	84
<i>Глава V.</i> Критика	88
<i>Глава VI.</i> Примеры	105

Часть третья ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ

<i>Глава I.</i> Стратегия	112
<i>Глава II.</i> Элементы стратегии	118
<i>Глава III.</i> Моральные величины	119
<i>Глава IV.</i> Основные моральные потенции	120
<i>Глава V.</i> Воинская доблесть армии	121
<i>Глава VI.</i> Смелость	125
<i>Глава VII.</i> Твердость	128
<i>Глава VIII.</i> Численное превосходство	129

Глава IX. Внезапность	133
Глава X. Хитрость	137
Глава XI. Сосредоточение сил в пространстве	139
Глава XII. Сосредоточение сил во времени	140
Глава XIII. Стратегический резерв	145
Глава XIV. Экономия сил	147
Глава XV. Геометрический элемент	148
Глава XVI. О паузах в военных действиях	149
Глава XVII. Характер современной войны	154
Глава XVIII. Напряжение и покой	155

Часть четвертая
БОЙ

Глава I. Обзор	158
Глава II. Характер современного сражения	158
Глава III. Бой вообще	159
Глава IV. Бой вообще (<i>продолжение</i>)	163
Глава V. О значении боя	170
Глава VI. Продолжительность боя	171
Глава VII. Решение боя	172
Глава VIII. Обоюдное согласие на бой	178
Глава IX. Генеральное сражение	180
Глава X. Генеральное сражение (<i>продолжение</i>)	185
Глава XI. Генеральное сражение (<i>продолжение</i>)	190
Глава XII. Средства стратегии для использования победы	194
Глава XIII. Отступление после проигранного сражения	203
Глава XIV. Ночной бой	205

Часть пятая
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Глава I. Общий обзор	209
Глава II. Театр войны, армия, поход	209
Глава III. Соотношение сил	212
Глава IV. Соотношение родов войск	214
Глава V. Боевой порядок армии	222
Глава VI. Группировка армии	228
Глава VII. Авангард и сторожевое охранение	233
Глава VIII. Способ действия передовых частей	239
Глава IX. Бивачное расположение	243
Глава X. Марши	245
Глава XI. Марши (<i>продолжение</i>)	250
Глава XII. Марши (<i>продолжение</i>)	253
Глава XIII. Размещение	255
Глава XIV. Довольствие войск	261
Глава XV. Операционный базис	275
Глава XVI. Коммуникационные линии	278
Глава XVII. Местность	281
Глава XVIII. Командование местности	284

<i>Глава XII.</i> Атака кордонных линий	480
<i>Глава XIII.</i> Маневрирование	481
<i>Глава XIV.</i> Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах	483
<i>Глава XV.</i> Наступление на театре войны, когда ищут решения	484
<i>Глава XVI.</i> Наступление на театре войны, когда не ищут решения	488
<i>Глава XVII.</i> Атака крепостей	491
<i>Глава XVIII.</i> Нападение на транспорты	494
<i>Глава XIX.</i> Нападение на квартирное расположение неприятельской армии	496
<i>Глава XX.</i> Диверсия	501
<i>Глава XXI.</i> Вторжение	504

Наброски к восьмой части
ПЛАН ВОЙНЫ

<i>Глава I.</i> Введение	513
<i>Глава II.</i> Война абсолютная и война действительная	515
<i>Глава III.</i> А. Внутренняя связь явлений войны	517
Б. О размерах политической цели войны и напряжения	520
<i>Глава IV.</i> Ближайшее определение цели войны	530
<i>Глава V.</i> Ограниченная цель (<i>продолжение</i>)	538
<i>Глава VI.</i> А. Влияние политической цели на конечную военную цель	539
Б. Война есть орудие политики	541
<i>Глава VII.</i> Ограниченная цель	547
<i>Глава VIII.</i> Ограниченная цель	549
<i>Глава IX.</i> План войны, когда цель заключается в сокрушении неприятеля	554

Приложение
ВАЖНЕЙШИЕ ПРИНЦИПЫ ВОЙНЫ

I. Общие принципы войны	578
II. Тактика, или учение о бое	579
III. Стратегия	582
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ТАКТИКЕ, или УЧЕНИЕ О БОЕ	595

